

3. Там же.
4. Polanyi K. Primitive, Archaica and Modern Economics. Boston, 1971. P.175.
5. Москвичи С. Деньги как страсть и как предствление // Машина, творящая богов. – М., 1998. С. 376, 403–406.
6. Бурдьё П. Практический смысл. М. – СПб., 2001. С. 234.
7. Там же.
8. Йенсен Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. СПб., 2004. С. 15.
9. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. № 5. С. 60 // URL: <http://www.ecsos.msses.ru>.
10. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. Вып. 2. С. 141.
11. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3. № 4. С.20–32. // URL: <http://www.ecsoc.msses.ru>
12. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Ed. And introduced by J. B. Thomson / P. Bourdieu. Cambridge(Mass), 1991.
13. Bourdieu P. Deux imperialismes esdel'universel // Faure C., Bishop T. L'Amérique des Français. Paris, 1992. P.149–155. Bourdieu P. Surlepouvoir symbolique // Annales. 1977. № 3. P. 405–441.
14. Еремеева В. Ф. Символический капитал: растущие котировки // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5–6 марта 2011 года. Пенза – Прага, 2011. С. 140–143.
15. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // М., 2007. № 4 (61). С. 38.
16. Гравер А. А. Символические капиталы путинской России в мир-системе XXI века. Опыт изучения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 99–118.

K. M. MARTIROSYAN. CONCEPT OF THE SYMBOLICAL CAPITAL IN MODERN SOCIOLOGY

Clause is devoted to the analysis of becoming of the concept of the symbolical capital. In it the problem of comprehension of an estimation of symbolical cost of various spheres of human activity in connection with a variety of forms of the symbolical capital, including cost of reputation, territory, a brand is investigated.

Key words: non-material actives, symbolical cost, exchange value, social status.

Т. А. НОВОЖЕНОВА

РЕФЛЕКСИЯ ПО ПОВОДУ РЕФЛЕКСИИ

(о книге А. В. Соколова «Философия информации»)

В статье содержится критический анализ основных положений книги, обосновывается верность атрибутивного понимания природы и сущности информации, отстаивается методология синергетики как основы теоретических представлений о генезисе и развитии библиографической информации.

Ключевые слова: философия, информация, методология, теория отражения, синергетика, библиография, библиографическая информация.

Не ставя задачу полного рецензирования труда А. В. Соколова по философии информации, мы все же не можем не признать, что у нас, как и у ее рецензента Т. Ф. Берестовой [1], возникла рефлексия, чем обусловлено название данной публикации. Так, отталкиваясь от понимания Т. Ф. Берестовой «чистой рефлексии» в смысле размышления, полного сомнений [2], мы также выразили некоторые сомнения касательно ряда моментов как самой книги, так и этой рецензии.

Т. Ф. Берестова справедливо отмечает, что А. В. Соколовым проделана большая работа по изучению и обобщению многолетних взглядов мыслителей и ученых на природу и сущность информации [3]. Но при этом красной линией всей его книги проходит мысль, что никто из них не раскрыл информацию, не определил ее природу и сущность [4]. Соответственно этому он делает вывод, что природа и сущность информации до

сих пор неизвестны, в связи с чем и ставит в книге задачу – философски осмыслить ее природу и сущность, дать истинное определение информации.

Свое исследование А. В. Соколов начинает с генезиса информационной теории и практики в родительском лоне кибернетики, в рамках которой, по его словам, выработался особый информационно-кибернетический стиль мышления, воплотившийся в информационном подходе как методологическом инструменте научного познания. В кибернетическом лоне, как он считает, зарождались и первые *понятия* об информации. В свою очередь, по А. В. Соколову, информационный подход породил свой продукт – информацию, поэтому она, по его утверждению, не существует вне *информационного* подхода. Следовательно этот подход является первичным по отношению к информации [5].

Данный вывод представляется более чем сомнительным, поскольку кибернетика как наука об

информационных процессах управления и связи в живых организмах, машинах, предусматривающих способность воспринимать, сохранять и передавать информацию, уже предполагает наличие самой информации. Более того, если в ее лоне зародились первые понятия об информации, то она уже раньше должна существовать как объект научного осмысления. То есть выходит, что сначала возникло наименование еще не существующего продукта, а потом уже сам продукт под стать своему наименованию.

Далее, если информация – продукт, результат какого-то подхода, производна от него, то откуда изначально известно, до возникновения этого продукта, что этот подход не какой-либо иной, а именно информационный? Как утверждает А. В. Соколов, природа информации, несмотря на общие усилия ученых, не выяснена по причине того, что многие из них использовали ограниченную позитивистскую методологию, инструментом которой он признает логику [6]. Но по логике термин «информация» выступает родовым для определения всех явлений и процессов как информационных, поэтому не будь информации как базового, родового понятия не было бы такого информационного подхода.

Мы разделяем точку зрения Т. Ф. Берестовой, поддержавшей абстрактно-логический путь научного мышления, в частности, метод восхождения от абстрактного к конкретному как способ теоретического воспроизведения, в том числе информационных явлений. Как известно, этот путь «сродни» диалектике, опирается на общие законы в философии и предусматривает восхождение из исходного пункта явлений, деятельности, систем. Этот путь был успешно использован О. П. Коршуновым при создании теории библиографии, применялся Т. Ф. Берестовой при определении генезиса информационного пространства. Он предполагает поиск исходного пункта явлений на основе единства и противоречия их двух сторон. С этих позиций в книге А. В. Соколова обнаруживается факт установления исходного пункта информации, соответственно чему ему не удалось прямо и определенно показать ее генезис, как и убедительно обосновать ее появление в «родительном лоне» кибернетики.

В наибольшей степени противоречивость суждений А. В. Соколова проявилась в анализе атрибутивных концепций информации, что непосредственно отразилось на дальнейшем раскрытии ее природы и сущности. Так, с его точки зрения, интуитивное представление об информации, ее обыденное понимание как сведений, известий, сообщений привело к неуправляемому, нерегулируемому «информационному терминотворчеству» в науке, обозначенному им как стихийный информационный процесс или «информационные очки», представляющие мир в информационном свете. Данный подход А. В. Соколов считает некорректным, поскольку, на его взгляд, через эти

очки давно известные предметы и реалии вместо нового знания получили информационную окраску, не обнаруживая собственно информационных качеств. К данному подходу он и относит атрибутивные философские концепции [7].

Прежде всего это касается понимания информации как отражения, которое по А. В. Соколову, исходит из тезиса В. И. Ленина об отражении как всеобщем свойстве материи, в связи с чем информация выступает ее атрибутом [8]. Безусловно, данный тезис хорошо известен и философам, и информатикам, и библиографоведам, но причем здесь В. И. Ленин, поскольку теория отражения как учение ведет начало от Демокрита. А. В. Соколов не устраивает, что советские философы – материалисты дополнили «ленинскую» теорию, объявив информацию «содержанием», «сущностью», «инвариантом» отражения, потеряв в результате этого критерий разграничения отражения и информации. Вследствие этого информация, как он полагает, стала двойником каких-то оригиналов, а не самостоятельным объектом реальной действительности [9]. Данная сентенция представляется более чем странной, поскольку расходится с его же утверждением, что информация не существует в объективном мире [10].

Понимание информации как атрибута материи А. В. Соколов считает плодом недоразумения, результатом вульгарно-позитивистского информационного подхода, постулирующего материальную природу информации, признаком его некорректности [11], провозглашая тем самым некорректность теории отражения. Между тем, определив с позиций дуализма двойственную, амбивалентную природу информации, как и всех информационных явлений, он говорит, что благодаря своей амбивалентности она отражает амбивалентное разнообразие живой и неживой природы, сознания и техносферы [12]. Это в принципе не расходится с наиболее распространенной трактовкой информации как отраженного разнообразия. Таким образом, при установлении фундаментальной природы информации А. В. Соколов фактически не обошелся без некорректной атрибутивной концепции «отражение = информация».

Далее он отмечает, что единство материального и идеального свидетельствует о реальности информационных объектов, следовательно, информация существует [13]. В таком случае как быть с тем же прежним его утверждением о несуществовании информации в реальном мире? А. В. Соколов решает этот вопрос посредством уяснения типов и видов реальности, в которых, как он пишет, якобы существует информация. Одним из них он считает микрокосм, рассматриваемый как психосфера (психика, психическое пространство, область духовной жизни). В нем образуются знания, образы, эмоции, желания, фантазии, т. е. смыслы, составляющие содержание семантической информации. Ассоциируя микрокосм с человеком, личностью, персоной, индивидом,

особью, его субстратом он объявляет мыслящую телесность, надо полагать мозг, как амбивалентное единство материального и идеального. Таким образом, он утверждает, что микрокосм как субъективная реальность выступает источником семантической информации, поскольку содержание психических процессов образуют знания, образы, эмоции и т.д. Еще раньше он писал, что знания и т.п. являются содержанием социальной информации, существующей в субъективной реальности, в индивидуальном сознании человека [14].

Но психика человека – свойство высокоорганизованной материи – мозга, особая форма отражения субъектом объективной реальности, следовательно, социальная информация, как содержание психических процессов, отражает действительность, сама выступает продуктом материи – мозга, что доказывает факт ее происхождения как атрибута материи. Данное положение, как бы ни шло в разрез с отрицанием А. В. Соколовым атрибутивности информации, подтверждается самим же исследователем. Так, в другом месте своей книги он признает, что информация – это продукт сознания [15]. Более того, выясняя сущность информации на основе общих, универсальных, присущих ей признаков, независимо от всех ее типов, он выделяет признак вторичности, производности информации от отражаемых явлений действительности. То есть, каждому типу информации, как он пишет, соответствуют первичные реальные явления, представляющие объектом отражения, вследствие чего идеальная сторона информации, иначе смыслы, выступает результатом отражения реального мира [16].

Проводя через всю свою книгу постулат о стихийном распространении некорректного информационного подхода через информационные очки, А. В. Соколов делает вывод, как мы уже отмечали, что практически ни в одной отрасли знания ученые не смогли выработать однозначного определения информации и раскрыть ее истинную природу и сущность. В данной связи интересно выяснить, удалось ли и в какой мере самому А. В. Соколову достичь искомой истины.

Поскольку главной целью его исследования является осмысление информации как философской категории, природа и сущность информации рассматриваются им с позиций эпистемологии, феноменологии и онтологии. Не ставя в статье задачу углубляться в ход его рассуждений по поводу избранных подходов, остановимся на результатах его размышлений. Так, с точки зрения эпистемологии им определена амбивалентная природа информации, обусловленная тем, что она и не идеальная, и не материальная, а двойственная, дуальная, неразрывно сочетающая идеальное знание (смыслы) и материальный носитель (форму) в их единстве и взаимообусловленности [17]. Вывод, конечно же, верный, но далеко не новый, поскольку и Т. Ф. Берестова в рецензии упоминает, что в своей монографии (2004 г.) она писала

именно о такой двойственности информации [18]. Мы не говорим уже о том, что еще в середине 70-х годов прошлого века это положение обосновал О. П. Коршунов применительно к библиографической информации, кстати, с позиций диалектико-материалистического подхода. Двойственность информации объясняет и теория отражения, согласно которой образ как результат отражаемого сочетает в себе черты и свойства отображающей стороны и самого объекта отражения. Более того, информация как знание, смыслы и т.д., еще раньше своего функционирования в социуме уже имеет дуальную природу, уже неотделима от своего материального носителя, поскольку вырабатывается мозгом как высокоорганизованной материей. Здесь уместно заметить, что несмотря на недооценку А. В. Соколовым данной атрибутивной концепции информации, в советской философии и теории познания, краеугольным камнем которой считается теория отражения, никогда не отрицалось диалектическое единство материального и идеального [19].

С точки зрения онтологического и феноменологического подходов А. В. Соколовым определяется сущность информации как внутреннее ее содержание, выражающее ее *качественное отличие* от других объектов познания. К таким сущностным признакам он относит опять же амбивалентность информации, далее – ее вторичность, осмысленность, знаковость, коммуникабельность, на основе которых формулирует определение информации. Так, семантическая информация у него «амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в коммуникабельной знаковой форме», социальная информация – «амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в форме коммуникабельных социальных знаков», а общее определение информации состоит в том, что она «в сущности, амбивалентный феномен, выражающий смыслы в форме коммуникабельных знаков» [20].

Достоинством этих определений можно назвать краткость формулировок, но с точки зрения понимания информации они, на наш взгляд, также не несут ничего нового. Об амбивалентности мы уже сказали, вторичность информации на примере библиографической как ее сущности обоснована в документографической концепции О. П. Коршуновым. Данное свойство информации доказывает и все та же «пресловутая» теория отражения, по которой все образы, отображения производны от своего объекта отражения, т. е. по отношению к нему вторичны. Что касается других сущностных признаков информации, то она несомненно осмысленна, поскольку передает смыслы, передает их в виде знаков как материальной формы информации и передает их несомненно в процессе коммуникации. Здесь нужно подчеркнуть, что коммуникативная функция библиографической информации тоже осмысливается О. П. Коршуновым как сущностная.

А. В. Соколов утверждает, что всеобщие, универсальные признаки, свойства информации

присущи всем информационным явлениям, независимо от их типа и происхождения [21], следовательно, они присущи и документу, и библиографической информации. Действительно, и тот и другая амбивалентны, представляя собой единство идеального и материального, имеют собственный объект отражения, т. е. вторичны, передают смыслы в знаковой форме, функционируют в системе документальных коммуникаций. Таким образом, налицо общность одних и тех же сущностных свойств и признаков, но тогда почему системы документов и библиографической информации друг от друга качественно отличаются? И как в таком случае относиться к словам А. В. Соколова, что сущность – это внутреннее, истинное содержание познаваемого предмета, выражаемого через главный признак или их совокупность, определяющих его качественное отличие от других объектов и систем [22]? В данной связи возникает сомнение: действительно ли им сформулировано истинное определение именно феномена информации?

Он и сам проводит аналогию между информацией и книгой на основе всех выявленных им признаков, вследствие чего книгу считает также феноменом, представляющим собой разновидность семантической информации в социальной реальности [23]. Но тогда и документированная, и библиографическая информация также являются разновидностями семантической. По нашему убеждению, качественные различия всех видов информации определяются отличием их объектов отражения, от которых они производятся. В частности, объектом отражения информации выступает реальная действительность, документально-фиксированной информации (документа) – знание (смысл и т. п. – информация), библиографической информации – документ. Это наглядно явствует в том числе из схемы процесса последовательного появления первичных и вторичных документов, представленной самим А. В. Соколовым в одной из его публикаций [24]. В таком случае признак вторичности оказывается более чем принципиальным для различения по качеству всех видов информации. Между тем в формулировках сущности информации нет прямого указания на ее вторичность, в связи с чем предлагаемые А. В. Соколовым определения информации не являются, на наш взгляд, исчерпывающими и потому в полной мере истинными. Правда в них присутствует слово «выражающий» по отношению к смыслам, которое он сопоставляет со словом «отражение» [25]. Это наводит на мысль, что в словосочетании «выражающий смыслы» может быть и завуалирован признак вторичности информации. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает фактическую опору А. В. Соколова на теорию отражения при определении природы и сущности информации.

Но вернемся к рецензии Т. Ф. Берестовой, в которой говорится о заслуге А. В. Соколова,

осуществившего аналитико – синтетическую переработку огромного массива литературы, показавшего развернутую картину многотрудного поиска истины, освоившего все интеллектуальное богатство, накопленное человечеством, без чего, как она утверждает, невозможно свершение научных открытий [26]. И действительно, в его книге дается скрупулезный анализ взглядов на информацию многих мыслителей и ученых. Такой анализ, возможно, демонстрирует тонкость вхождения А. В. Соколовым в проблему природы и сущности информации. Но беда, по нашему мнению, в том, что через все эти тонкие и скрупулезные анализы трудно уловить главную нить книги, поскольку она теряется в многословных рассуждениях автора. В этом убеждает и позиция референта, признающего, что при первом прочтении ей не всегда удавалось ухватить все смыслы, заключенные в главах книги [27].

В данной связи хотелось бы остановиться на определении жанра труда А. В. Соколова, представляемого им как профессионально – мировоззренческое учебное пособие. Следовательно, оно адресуется в том числе и студентам. Т. Ф. Берестова расценивает выбор жанра автором книги его огромной верой в интеллектуальный потенциал студентов, желанием не отпугнуть их подзаголовком «монография», педагогической уловкой в целях формирования у студентов потребности пользоваться энциклопедическими и прочими справочными изданиями [28]. Между тем вряд ли студенты будут усваивать все критические рассуждения А. В. Соколова по поводу разных взглядов о сущности и природе информации. В этом плане предлагаемый им курс «Философия информации» представляется более чем гипотетическим [29].

Что же касается сути его труда, то, если отбросить все рассуждения, размышления, описания и экскурсы, философия информации по А. В. Соколову сводится лишь к некоторым выводам, тривиальность которых не дает оснований считать их научным открытием. Нужно отметить, что А. В. Соколов в заключении суммирует главные «профессионально-мировоззренческие» выводы книги, хотя, на наш взгляд, и избыточно. Противоречивость же в понимании природы и сущности информации, обусловленная отказом от атрибутивных концепций и фактической опорой на их позиции, обуславливает мнение о том, что нет необходимости в *философии* информации, но есть информация в философии, генезис, природа и сущность которой давно разработаны в теории отражения.

В своей рецензии Т. Ф. Берестова выражает также желание понять, как труд А. В. Соколова повлияет на дальнейшее развитие библиотковедения, библиографоведения и книговедения, в связи с чем он явился для нее источником знаний для коррекции уже достигнутых результатов в этой области. Благодаря ему она, в частности, «узнала», что переход отечественного библиографоведения от эмпирического знания к теоретическому

произошел усилиями О. П. Коршунова, которому удалось затем достичь различения онтологической и гносеологической ипостасей библиографической информации. Помимо этого она также узнала, что работа Т. А. Новоженовой является примером использования в библиографической науке наивно-позитивистского синергетического подхода [30].

Мы согласны с «ученической» позицией Т. Ф. Берестовой в том, что научные работники, даже «немолодые» доктора наук, должны постоянно учиться и постигать книжную мудрость [31], хотя бы для того, чтобы иметь основания выражать собственное, аргументированное научное мнение, не принимая на веру суждения других исследователей. И в первом случае позиция рецензента выглядит несколько сомнительной, поскольку факт теоретического воспроизведения библиографии был О. П. Коршуновым осуществлен почти 40 лет назад, за истекшее время зафиксирован и описан во многих его работах, комментировался не одним исследователем. А. В. Соколовым также давалось разъяснение по поводу различения О. П. Коршуновым двух ипостасей библиографической информации помимо его рецензируемой книги [32]. Т. Ф. Берестова как «добросовестный читатель» давно имела возможность ознакомиться с этим из множества публикаций, в том числе из более поздней статьи самого О. П. Коршунова, опубликованной в сборнике «Российское библиографоведение: итоги и перспективы» (2006 г.) [33].

Что касается синергетической концепции библиографии, то, действительно, в своей статье «Теория библиографии в лабиринте концепций», в совместной с В. А. Фокеевым книге «Библиографоведение: Terra incognita: диалог о библиографической науке» [34] и других, в том числе более поздних работах [35] А. В. Соколов подверг критике некоторые пункты предпринятого нами синергетического описания библиографии, по поводу чего мы предоставили, на наш взгляд, достаточно убедительную контраргументацию [36]. В книге «Философия информации» он повторил все те же критические замечания, дополнив их обоснованием в духе своего исследования. В частности, анализируя использование информационного подхода в синергетике, А. В. Соколов выделил два режима его реализации – корректный и некорректный (стихийный), в рамках которых определил три версии этой реализации: нормативно-позитивистскую (корректный информационный подход), вульгарно-позитивистскую и наивно-позитивистскую (как некорректные), причем последняя версия, по его словам, связана с легкомысленно-дилетантским оперированием терминологией синергетики [37]. Именно эту версию он и подвел под синергетическое описание библиографии.

Известно, что в философии выделяются не только позитивизм, но и много других разных измов и неологизмов, почему бы при желании не разделить и синергетику на подобные направления. Но философия как целостная мировоззренческая наука,

выступающая методологией других отраслей знания, имеет в своем арсенале общие принципы, положения, установки и т. п., позволяющие ей определить закономерности развития природы, общества и мышления. Синергетика также оперирует общими положениями относительно изучения своего объекта, располагает собственным понятийным аппаратом и методологическим инструментарием, овладение которыми достаточно сложно, потому и не является легкомысленным занятием. Что касается дилетантства, то дилетант это тот, кто занимается какой-либо областью деятельности, не имея специального, профессионального образования. В этом плане к дилетантам можно отнести всех книговедов, библиоотечковедов, библиографоведов, использовавших в исследованиях своих традиционных предметов системный, деятельностный, системно-деятельностный, семиотический, модельный и т. п. подходы, и мы в этом плане не изобрели велосипед и не открыли Америку. Тем не менее никого из них даже самые ярые критики не позиционировали как легкомысленных дилетантов. Здесь надо отметить, что А. В. Соколов, также не имея базового философского образования и соответствующей ученой степени, все же приступил к созданию философии информации.

Не причисляя себя к синергетикам, поскольку к ним относим ученых в области физики, математики, философии как основных истоков этого направления, тем более прошедших соответствующую школу (Е. Н. Князева в Институте синергетики Г. Хакена) или имеющих ученые степени по синергетической тематике, при описании библиографии в свете данного подхода мы использовали общие положения синергетики, на которых осуществляли свои разработки практически все исследователи в области библиографоведения, библиографии и информации. Таким образом, нас, наивных, не так уж и мало, но чести быть причисленной к наивно-позитивистской позиции удостоилась одна Т. А. Новоженова. Впрочем, по этому поводу нет оснований расстраиваться, поскольку А. В. Соколов нашел за что отнести к вульгарным позитивистам даже самого Г. Хакена.

Главный довод А. В. Соколова в «пользу» нашей наивности заключается в том, что мы наивно надеялись осмыслить феномен библиографии в свете языка самоорганизации без помощи математической модели библиографической системы, т. е. языка математического моделирования, поэтому поневоле ограничились словесными оценками и цитатами. В подтверждение этого он дважды ссылается на слова доктора физико-математических наук Д. С. Чернавского, что «в синергетике владение математическим аппаратом (теорией динамических систем, математическим моделированием) считается необходимым условием» [38]. Мы действительно подкрепляли все пункты синергетического описания библиографии высказываниями многих представителей синергетики, опираясь на их обобщенное мнение, в чем, как считаем,

выразилась научная добросовестность принятого нами исследования. Между тем А. В. Соколов показывает, что при аргументации можно обойтись и одной цитатой одного автора. На этом основании, следуя примеру А. В. Соколова, приведем слова также доктора физико-математических наук Г. Г. Малинецкого, что «для создания новых гуманитарных концепций синергетические подходы не апеллируют к конкретным результатам или математическому аппарату синергетики» [39]. Что же касается словесных оценок и цитат, то именно они и составляют львиную долю текста книги А. В. Соколова «Философия информации».

Повторение А. В. Соколовым в разных его работах одних и тех же критических замечаний по поводу синергетического подхода к библиографии позволяет думать, что он исчерпал свою критику. Но, по принципу нет худа без добра, мы даже признательны ему за внимание как одного из маститых представителей научной информационной общественности. В своей книге «Философия информации» он анализирует или цитирует труды и мыслителей древности, и таких ученых как Н. Винер, К. Шеннон, К. Поппер, Л. Брюллюэн, Э. Гуссерль, П. Тейяр де Шарден, К. Леви-Стросс; Т. Павлов, Г. Хакен, И. Р. Пригожин, можно назвать еще много громких имен; из отечественных – В. И. Вернадский, А. Ф. Лосев, В. М. Глушков, А. М. Колмогоров, А. Д. Урсул, К. К. Колин, Э. П. Семенюк, Ю. А. Шрейдер, Р. Ф. Абдеев, Е. А. Седов, В. П. Бранский, Л. А. Микешина, Ю. М. Лотман, не забыв и Михайло Васильевича Ломоносова; из «наших» – Р. С. Гиляревский, О. П. Коршунов, Ю. Н. Столяров и многих других из разных отраслей знания, в том числе и провинциального библиографоведа Т. А. Новоженовой. Воистину есть основание радоваться и гордиться, что мы попали в такую отличную компанию.

Литература

1. Берестова Т. Ф. Рефлексия по поводу книги А. В. Соколова «Философия информации» // Научная и техническая библиотеки. 2011. № 6. С. 95–108.
2. Там же. С. 102.
3. Там же. С. 95.
4. Соколов А. В. Философия информации: проф.-мировозр. учеб. пособие. СПб., 2010.
5. Там же. С. 20–21, 56, 63, 100.
6. Там же. С. 48.
7. Там же. С. 55–56, 63.
8. Там же. С. 50, 63.
9. Там же. С. 63.
10. Соколов А. В. Теория библиографии в лабиринте концепций // Мир библиографии. 2009. № 4. С. 17.
11. Соколов А. В. Философия информации... С. 167, 172.
12. Там же. С. 157–158.
13. Там же. С. 160.
14. Там же. С. 153, 176–177, 183.
15. Там же. С. 203.
16. Там же. С. 246, 249–250.
17. Там же. С. 157–158.
18. Берестова Т. Ф. Указ. соч. С. 98.
19. Соколов А. В. Философия информации... С. 186.
20. Там же. С. 244, 251, 257.
21. Там же. С. 246.
22. Там же. С. 244.
23. Там же. С. 253.
24. Соколов А. В. Библиографическая информация как разновидность фактографической информации // Современная библиография. 1983. № 5. С. 42.
25. Соколов А. В. Философия информации... С. 250.
26. Берестова Т. Ф. Указ. соч. С. 96, 106–107.
27. Там же. С. 106.
28. Там же. С. 105–106.
29. Соколов А. В. Философия информации... С. 8.
30. Берестова Т. Ф. Указ. соч. С. 100–101.
31. Там же. С. 105–106.
32. Соколов А. В. Теория библиографии в лабиринте концепций...
33. Российское библиографоведение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. М., 2006. С. 189–190.
34. Соколов А. В. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс: очерки о прошлом и будущем библиографической науки. Челябинск, 2014; Соколов А. В. Теория библиографии в лабиринте концепций...
35. Соколов А. В. Парадигмы библиографоведения... С. 154–156.
36. Новоженова Т. А. Современная теория библиографии и выход из лабиринта концепций // Библиография. 2011. № 1. С. 42–50.
37. Соколов А. В. Философия информации... С. 111.
38. Там же. С. 118, 122.
39. Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 99.

T. A. NOVOZHENOVA. THE REFLECTION ON THE REFLECTION

(About the book by A. C. Sokolov «Philosophy of information»)

Article contains a critical analysis of the main provisions of the book, the author proves the loyalty attribute understanding of the nature and essence of the information asserted by the methodology of synergetics as the basis of theoretical ideas about the Genesis and the development of bibliographic information.

Key words: philosophy, information, methodology, theory and reflection, synergetics, bibliography, bibliographical information.